

Alternative provision: formulation of the problem

Fakhritdin MUKHITDINOV¹

Specialized Branch of the Tashkent State University of Law,

ARTICLE INFO

Article history:

Received June 2022
Received in revised form
25 June 2022
Accepted 25 July 2022
Available online
20 August 2022

Keywords:

restorative justice,
punitive justice,
alternative legal
proceedings,
legal proceedings,
participants in criminal
proceedings, accuser,
accused,
criminal procedural attitude,
trial cases,
plea agreement,
exemption from punishment
due to active repentance,
summary proceedings,
mediation,
social and legal conflict.

ABSTRACT

This article discusses the basics of the development of modern trends in the resolution of social conflicts in the field of justice. The article also analyzes the important socio-legal properties of alternative case management, which arose in the 70s of the 20th century as an alternative to the main procedure of legal proceedings. The author believes that the wider application of the alternative procedure of judicial proceedings, the expansion of its procedures and types, will inevitably contribute to solving the problem of the intensification of justice, which, in turn, will help eliminate the socio-legal conflicts caused by the crime by offending the injury inflicted on the victim, as well as solve the problem of the resocialization of the person who committed the crime.

2181-1415/© 2022 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss3-pp106-122>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Алтернатив тузиш: муаммони шакллантириш

Калит сўзлар:

хуқуқни тикловчи одил
судлов,
жазоловчи одил судлов,
муқобил судлов,
суд ишларини юритиш,
жиноят процесси
иштирокчилари,
айбловчи,

АННОТАЦИЯ

Мазкур мақолада ижтимоий конфликтларни судловда ҳал қилишнинг янги замонавий тенденцияларининг асослари кўриб чиқилади. Мақолада жиноят ишларини юритишга параллель равишда XX асрнинг 70-йилларида хуқуқни қўллаш амалиётига кириб келган муқобил тартибда ишларни судда юритишнинг ижтимоий-хуқуқий жиҳатлари таҳлил қилинади. Муқобил тартибда суд

¹ Doctor of Law, Professor of Department of Crime Prevention and Ensuring Public Safety, Specialized Branch of the Tashkent State University of Law, Tashkent, Uzbekistan

айбланувчи,
жиноят-процессуал
муносабатлар,
ярашув тўғрисидаги
ишлар,
айбга иқrorлик
тўғрисидаги келишув,
айбдор ўз қилмишига
пушаймон бўлганлиги
муносабати билан
жазодан озод қилиш,
соддалаштирилган
тартибда иш юритиш,
медиация,
ижтимоий-ҳуқуқий
зиддият.

ишларини юритишни жорий этиш, уларнинг тартиби
ва турларини кенгайтириш одил судловнинг
интенсивлаштириш муаммоларини ҳал этилиши сифатида
эътироф этилиб, жиноят туфайли юзага келган ижтимоий
конфликтларни мақсадга мувофиқ ҳолда бартараф этишга,
яъни жабрланувчига етказилган зарарни бартараф этиш
ҳамда жиноят содир этган шахсни ресоциализациялашга
қўмак бериши таъкидлаб ўтилади.

Альтернативное правосудие: постановка проблемы

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

восстановительное
правосудие,
карательное правосудие,
альтернативное
судопроизводство,
судопроизводство,
участники уголовного
процесса,
обвинитель,
обвиняемый,
уголовно-процессуальное
отношение,
дела о примирении,
соглашение о признании
вины,
освобождение от
наказания в связи с
деятельным раскаянием,
упрощенное производство
дел, медиация,
социально-правовой
конфликт.

В данной статье рассматриваются основы развития современных тенденций разрешения социальных конфликтов в сфере правосудия. В статье также проанализированы важные социально-правовые свойства альтернативного ведения дел, возникших в 70-х годах 20-го века в качестве альтернативы основному порядку судопроизводства. Автор считает, что более широкое применение альтернативного порядка судебного производства, расширение его процедуры и видов, несомненно, будет способствовать решению проблемы об интенсификации правосудия, которое, в свою очередь, поможет устранению социально-правовых конфликтов, вызванных преступлением, путем возмещения ущерба, нанесенного потерпевшему, а также решить проблему ресоциализации лица, совершившего преступление.

Развитие информационных технологий привело не только к снижению социально-экономической трансакции в отношениях между субъектами общества, но и определенным образом ускорило принятие решений по важным социально-правовым вопросам. Важным мировым символом XXI века являются не только сами современные технологии как передающие информацию, сколько их результат – скоротечность ее передачи, анализ и её использования. Такое положение дел для современных – постмодернических обществ означает, что они должны стать важной частью и быть готовыми ко всем вызовам быстротечных информационных отношений. Судебно-следственные отношения в этом вопросе не являются исключением. «Одной из современных тенденций развития уголовного процесса является тенденция к ускорению уголовного

судопроизводства. Это обусловлено проблемами, которые пытаются решить в своих национальных системах многие государства – увеличение количество уголовных дел, передаваемых на рассмотрение судов, и особенно дел, влекущих мягкие наказания, продолжительные сроки уголовного разбирательства».

Для достижения стабильности уголовно-процессуальных правоотношений законодателям необходимо выработать четкую стратегию реформирования правосудия, поскольку основной целью этой деятельности является обеспечение справедливого правосудия. Именно дифференциация уголовно-процессуальных правоотношений, т.е. производства уголовных дел на основе общественной опасности преступлений, является фундаментальной конструкцией современного правосудия. Одним из важных элементов механизма обеспечения такого правосудия обычно считается упрощенное производство уголовных дел. Поэтому четкое определение его места и внедрение в процессуально-правовые отношения можно признать приоритетной стратегической целью страны в сфере правосудия.

Между тем, в начале текущего года Президентом Ш.М. Мирзиёевым в Стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы было озвучено, что важное место отводится вопросу создания необходимых организационно-правовых условий для широкого использования альтернативных методов разрешения судебно-правовых споров.

Таким образом, альтернативный метод разрешения социально-правовых конфликтов в современном обществе играет важную роль как процессуальная форма реагирования государства на преступные действия лиц, их совершивших. В специальной литературе под альтернативным производством уголовных дел понимается обычно метод устранения последствий преступления без применения ординарных уголовно-процессуальных процедур, позволяющих разрешать конфликт внепроцессуальным способом и не прибегать к уголовному преследованию как таковому, либо прекращать уголовное преследование на определенном этапе.

В литературе основы альтернативного производства разделяются на объективные и субъективные критерии. В частности, к объективным критериям относятся: объект посягательства, сложность установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, способ совершения преступления, вид и размер возможного наказания. В группу субъективных критериев: личность обвиняемого в совершении преступления (наличие судимости, характеристика и т.д.), количество лиц, принимавших участие в совершении преступления. Однако центральным понятием данной формы судопроизводства все-таки остаются такие критерии, как (а) общественная опасность совершенного преступления и (б) личность преступника.

Разумеется, что по тяжким и особо тяжким преступлениям, за совершение которых законодатель предусмотрел суровое наказание, вести речь о применении альтернативного порядка производства дела нельзя. По этим делам следственно-судебное производство ведется в обычном порядке.

Таким же образом решается вопрос и о применении альтернативного производства дел по личности лица, совершившего преступление. Система альтернативного производства не применима и в отношении лиц, ранее совершивших преступления, определенные виды данного производства также в отношении лиц, не достигших совершеннолетия и т.д.

В отмеченных случаях вопрос о применении альтернативного порядка производства дел актуально лишь по преступлениям, не представляющим общественную опасность и по его менее тяжким видам, также лицам, не привлекавшимся ранее к уголовной ответственности. Остальные материально и процессуально-правовые признаки (например: совершение тяжкого преступления, преступление, совершенное рецидивистом и т.п.), не должны быть предметом ведения альтернативного производства уголовных дел.

Важной причиной такого решения законодателей многих стран может служить, *во-первых*, необходимость обеспечения процессуальной гарантией лицам, привлеченных в орбиту уголовного процесса в качестве обвиняемого (подозреваемого, подсудимого), поскольку, с точки зрения юридической техники, практически все законодательства мировых стран регулируют процедурные правила, которые принято называть «основными». Остальные же формы производства уголовных дел принято считать альтернативными основному виду судопроизводства. Именно в основной форме производства уголовных дел предусмотрена более совершенная система процессуально-правового механизма защиты прав и интересов участников процесса, в первую очередь, обвиняемого (подозреваемого, подсудимого).

В этом понимании альтернативная форма судопроизводства ориентирована не столько на установление истины, сколько на установление такого формального процессуального признака, как признание вины и/или на факте примирения конфликтующих сторон.

Во-вторых, законодатели при конструкции уголовного процесса практически всегда опираются на его сущностные понятия. Как полагается, уголовный процесс – это социально-правовой институт, роль которого заключается в обеспечении права общества на наказание лица, проявившего девиантное поведение. Карать отступников от социальной нормы весь исторический период развития человеческого общества был основной, а порой единственной идеей правосудия. Вот почему «кара» как процессуально-правовая идеология всегда была связана с общественным интересом социума.

Между тем, уголовно-процессуальное отношение по признаку «масштаба правовых интересов» классифицируется на: публичное, частное и частно-публичное* ведение уголовного процесса. Данная квалификация имеет два важных признака: 1) особенность возникновения, развития и завершения процессуальных отношений, в которых процессуальный механизм возбуждения и окончание уголовного преследования в определенных условиях зависит от воли субъекта, уполномоченного совершить подобные действия; 2) как уже было отмечено, ведение дел всегда априори подчинено существующему в уголовном процессе «процессуальному интересу».

В свою очередь, нужно отметить, что именно производство дел на основе публичного интереса является важнейшим элементом «основной» формы судопроизводства.

---

* Иногда ученые выделяют еще четвертый классификационный признак как публично-частный, в котором также учитывается формальное основание возникновения процессуально-правовых отношений. Однако в чисто процессуально-правовом понимании оно фактически привязано к публичному основанию производства уголовных дел.

Таким образом, «разработка процедур, существующих вне традиционного уголовного процесса, позволяет говорить о смене «парадигмы наказания» на «парадигму восстановления», которая направлена на примирение и преодоление вредных последствий нарушения уголовного закона вне рамок уголовной репрессии. Следует отметить, что традиционный уголовный процесс не всегда позволяет с успехом разрешить уголовно-правовой конфликт, который представляет собой столкновение полярных интересов лица, совершившего преступление, и потерпевшего, общества, государства в сфере общественных отношений, охраняемых уголовным законом».

Между тем, даже назначение справедливого наказания обвиняемому предполагает определенное принуждение. Практический опыт правосудия показывает, что наказание, независимо, имеет оно мягкое или суровое последствие для обвиняемого, не всегда достигает своей цели – устранение уголовно-правового конфликта, возникшего между обвиняемым, потерпевшим и обществом. В решении данной проблемы карательное правосудие не всегда позволяет удовлетворить потребности потерпевшего, тем более достичь цели ресоциализации осужденного.

В этом вопросе можно поддержать точку зрения Арутюнян А.А., отмечавшей, что «концепция восстановительной юстиции предполагает достижение целей, которые не всегда успешно реализуются в рамках традиционного уголовного процесса, а именно: 1) восстановление общественных отношений, нарушенных противоправным деянием; 2) осуждение противоправных поступков и воспитание уважения к общепринятым моральным нормам и ценностям; 3) помощь и поддержка лиц, которым противоправным деянием причинен вред, удовлетворение их интересов и потребностей; 4) содействие лицу, совершившему деяние, в осознании его последствий и в принятии на себя ответственности за них; 5) выявление восстановительного эффекта наказания; 6) реинтеграция лиц, совершивших противоправное деяние, в общество и предотвращение рецидива; 7) выявление причин преступности».

Необходимо рассмотреть существующие формы альтернативного производства уголовных дел. Так, в целом спектр альтернатив уголовному преследованию в мировой практике достаточно широкий. Во многих странах альтернативное производство формируется в рамках развития так называемой восстановительной юстиции.

Именно восстановительная юстиция стала основой современного альтернативного способа разрешения споров на Североамериканском континенте. В частности, уголовная юстиция США и Канады в рамках восстановительного правосудия предприняла попытку внедрить процессуальный порядок, предусматривающий примирение сторон уголовного конфликта, как было отмечено процессуалистами, в целях восстановить социальный мир, а не просто наказать преступника.

Аналогично мнение Белозерова И.И., утверждавшего, что «в основе восстановительного подхода к уголовному правосудию лежит идея о необходимости примирения сторон конфликта с целью восстановления нормального порядка, существовавшего до совершения преступления; удовлетворения интересов потерпевшей стороны; исправления, ресоциализации лица, совершившего преступление».

Вместе с тем, альтернативный способ рассмотрения уголовных дел, по мнению его сторонников, понимается также как способ облегчения нагрузки на судей при сохранении судебного контроля над проведением альтернативных процедур. К положительным чертам данного производства относят уменьшение загруженности на суды, поиск мирного способа разрешения конфликта, уменьшение затрат на правосудие как для правонарушителя, так и для государства, быстрое разрешение споров, конфиденциальность уголовных соглашений.

В уголовном процессе одним из первых механизмов, представляющих собой альтернативу уголовному преследованию, является уголовная медиация. Процедуры медиации в качестве альтернативного способа разрешения споров в литературе определяется как «процедура, в рамках которой независимое и беспристрастное третье лицо – посредник (медиатор) – участвует в разрешении уголовно-правового конфликта между лицом, совершившим противоправное деяние, и лицом, которому противоправным деянием был причинен вред, с целью примирения сторон и нахождения взаимоприемлемого решения по вопросам возмещения вреда, причиненного противоправным деянием, а также по иным вопросам, которые могут возникнуть при разрешении уголовно-правового конфликта, на основе добровольного волеизъявления сторон, и которая может повлечь юридические последствия для сторон уголовно-правового конфликта в рамках производства по уголовному делу».

Процедура, регулирующая деятельность медиатора, в странах, в правоприменительной практике которых используется данный институт, весьма широко применяется для разрешения по характеру частно-публичных и частных социальных конфликтов, имеющих различные виды правовых отношений, позволяя сторонам конфликта разрешить его без обращения к компетентным государственным органам. Однако во многих государствах медиация нашла свое применение и в уголовном процессе. В частности, институт медиации появился в законодательстве Великобритании и Австрии в 1988 г., в Германии – в 1990 г., в Испании – в 1992 г., в Бельгии – в 1994 г., во Франции – 1999 г. В том числе, институт медиации был введен в законодательство Польши. В 1997, 2003 и 2015 гг. он подвергался существенным изменениям.

Польский эксперт Я. Томчак, в частности, выделил следующие принципы применения медиации в польском уголовном процессе: 1) медиация касается уголовного дела, а суд должен решить, применима ли указанная процедура в данном деле; 2) при положительном решении суд пытается убедить стороны в ее использовании, но тем не менее необходима добровольность в ее выборе; 3) непредвзятость профессиональных медиаторов, для которых есть ряд требований в плане юридической профессии; 4) конфиденциальность сведений.

По данным, приведенным Я. Томчаком в 2017 г., 2,5 млн. уголовных дел дошли до суда, из них 4100 были с применением медиации, в 2300 случаев дела были урегулированы профессиональными медиаторами. Польский эксперт пояснил, что прекращение уголовного дела устраивает всех: потерпевшего, прокуратуру и суд.

Вместе с тем, основываясь на различиях в правовых системах и уголовно-процессуальном законодательстве ряда европейских государств, можно выделить две разновидности применения медиации: 1) англосаксонскую, в рамках которой

медиация является в чистом виде проявлением концепции восстановительной юстиции и представляет собой общинный способ разрешения конфликта; 2) континентальную, для которой характерно применение медиации в качестве альтернативы уголовному преследованию, как правило, закрепленной в законодательстве и имеющей черты процессуального института.

В рамках предложенной концепции представляется целесообразным разработать институт медиации в качестве дополнительной меры уголовно-процессуального характера, направленной на достижение примирения между обвиняемым и потерпевшим с целью прекращения уголовного преследования или вынесения судебного решения в упрощенном порядке с учетом соглашения, достигнутого сторонами. Впоследствии медиация может применяться и как истинная альтернатива уголовному преследованию, до момента возбуждения уголовного дела, поскольку достижение примирительного соглашения между сторонами уголовно-правового конфликта позволит компетентным органам и должностным лицам отказаться от возбуждения уголовного преследования как такового.

При внедрении процедуры медиации в отечественное уголовное судопроизводство необходимо определить критерии возможности ее применения в каждом конкретном случае. К таким критериям должны быть отнесены, например, следующие: 1) преступление относится к категории небольшой или средней тяжести, в определенных случаях – к категории тяжких преступлений (преступления против собственности, а также изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера без отягчающих обстоятельств). Представляется, что медиация не может применяться по делам о преступлениях, повлекших необратимые последствия, в первую очередь причинение смерти; 2) потерпевшим признано физическое лицо; 3) стороны выразили добровольное взаимное согласие на участие в процедуре медиации.

Например, в законодательстве США можно обнаружить еще такие правила производства медиации, на которые необходимо обращать особое внимание. Данные правила, прежде всего, регулируют формальные стороны, т.е. предпосылки для возникновения и развития правоотношений в производстве медиации. В частности, если стороны согласились на участие в медиации, суд уведомляет их в устной или письменной форме о следующем: а) срок, отведенный судом на медиацию; б) имя медиатора или название посреднической организации; в) требование об уплате преступником пошлины в размере 60 дол. США для осуществления посреднических услуг.

Также в §7A-38.3D (m) закона NorthCarolinaGeneralStatutes сказано, что суд по своему усмотрению может разрешить третьему лицу совершить уплату пошлины или ее часть за преступника. А в §7A-38.7(b) отмечается, что посредническая организация должна получить документальное подтверждение произведенной оплаты.

Похожие концептуальные разработки были предложены отдельными учеными, по мнению которых, на первоначальном этапе медиацию следует применять для разрешения уголовно-правовых конфликтов с участием несовершеннолетних правонарушителей. Впоследствии данный институт может быть распространен и на преступления, совершенные взрослыми. Первоначально медиация может применяться уже после возбуждения уголовного преследования, а впоследствии целесообразно применять медиацию до возбуждения уголовного дела.

При внедрении процедуры медиации в отечественный уголовный процесс, безусловно, должны учитываться международные стандарты и принципы процедуры медиации, к числу которых можно отнести следующие: а) использование медиации только на основе добровольного согласия сторон; б) обеспечение сторонам права в любой момент отказаться от участия в процессе медиации; в) в случае недостижения примирительного соглашения участие в процедуре медиации не должно впоследствии при производстве по делу рассматриваться как признание вины; г) стороны должны соглашаться с основными обстоятельствами дела для участия в процедуре медиации; д) соглашения, достигнутые в результате процедуры медиации, должны содержать разумные условия; е) в ходе проведения процедуры медиации должны быть обеспечены необходимые правовые гарантии; ж) процедура медиации должна носить конфиденциальный характер; з) не должно допускаться повторное уголовное преследование за деяние, если для его разрешения была применена реституционная процедура и стороны в рамках такой процедуры пришли к соглашению.

Именно отмеченные правила производства дел в порядке медиации весьма важны для внедрения в отечественное законодательство, которое может быть в форме специального закона, регулирующего правоотношение в сфере примирения сторон уголовно-правового конфликта.

Вместе тем, восстановительное правосудие помимо медиации имеет в своем арсенале значительное число процедур: посредничество преступника и жертвы (в английском – VOM), семейные конференции (FGC), круги правосудия, восстановительные конференции (RC), общественный совет восстановительного правосудия (CRB), круги правосудия (SC), переговоры (negotiation), независимое установление спорных фактов (neutralfact-finding), арбитраж (arbitration), досудебная независимая оценка обстоятельств спора (earlyneutralfact-finding), упрощенное рассмотрение дела с участием присяжных (summaryjurytrial).

В этом вопросе определенный интерес вызывает правовой опыт французского законодателя. Следует сказать, что французское право также оказалось подвержено тенденции внедрения альтернативного судопроизводства. Согласно УПК Франции к альтернативам уголовному преследованию относятся: меры, связанные с призывом к соблюдению обязательств, уголовная медиация, уголовное соглашение, уголовная сделка. В частности, во французском уголовном процессе действует принцип целесообразности уголовного преследования, закрепленный в статьях 40 и 401 УПК Франции, в соответствии с которыми при наличии фактов, свидетельствующих о совершении правонарушения, прокурор вправе возбудить уголовное преследование, отказаться в возбуждении уголовного преследования или предложить применить один из альтернативных способов разрешения споров.

Из отмеченного выше можно сделать вывод о том, что во французском уголовном процессе прокурор обладает широкими полномочиями, что позволяет ему активно способствовать развитию альтернативных способов разрешения споров. В частности, альтернатива уголовному преследованию – уголовное соглашение, урегулированное в ст. 41-2, 41-3 УПК Франции, может применяться по инициативе прокурора в случае совершения любых правонарушений и

проступков, в качестве максимального наказания за которые предусмотрены штраф или тюремное заключение сроком на 5 и менее лет. Однако уголовное соглашение не может применяться в случае совершения проступков против прессы, причинения смерти по неосторожности и политических проступков, а также не может применяться к несовершеннолетним моложе 13 лет.

В целом, механизм уголовной сделки во французском законодательстве был закреплен в 2014 г. Он применяется в случае совершения следующих противоправных действий: 1) незначительные правонарушения, кроме правонарушений, предусматривающих прекращение уголовного преследования в случае уплаты штрафа в заранее оцененном размере; 2) проступки, за совершение которых предусмотрено наказание в виде штрафа; 3) поступки, за совершение которых предусмотрено наказание в виде тюремного заключения на один год, кроме такого проступка, как тяжкое оскорбление; 4) кража, если стоимость украденной вещи не превышает 300 евро; 5) потребление наркотических веществ; 6) незаконный захват для проведения собраний помещений, находящихся в общественной собственности.

Между тем, механизм уголовного соглашения заключается и в том, что правонарушитель признается в совершении противоправного действия и обязуется выполнить меры, предлагаемые прокурором, такие, как штраф, конфискация в пользу государства орудия совершения правонарушения, обязательные работы, запрет покидать территорию Франции, образовательные меры. В случае согласия правонарушителя уголовное соглашение утверждается судом. Если уголовное соглашение уже исполнено правонарушителем, прокурор Республики отказывает в возбуждении уголовного преследования. В случае неисполнения уголовного соглашения – возбуждает уголовное преследование.

В целом соглашение сторон как процессуальная форма впервые появилось в англо-американском судебном праве. Самые ранние упоминания американских юристов, касающиеся заключения сделок о признании вины, относятся еще к 1839 г. В те времена она появилась в качестве альтернативного производства дел и имела существенное значение для устранения правового конфликта между публичным и частным интересами путем их процессуально-правового консенсуса. Потому в наиболее общем виде сделка о признании вины, в процессуально-правовом смысле определяется как «соглашение по уголовному делу, в соответствии с которым обвинитель предлагает обвиняемому признать свою вину в инкриминированном деянии в обмен на снижение размера наказания либо переквалификацию преступления на менее тяжкое».

Если более подробно рассмотреть понятие и основы классификации, определенные в американских правовых источниках о сделке со следствием (plea agreements – сделка с правосудием), то, в частности, Федеральных правилах уголовного судопроизводства в США (правило 11, ст. 1) ее понятие определяется следующим образом: «Обвинитель и адвокат обвиняемого либо обвиняемый, действуя самостоятельно, могут провести переговоры и достигнуть соглашения. Суд не должен участвовать в этом обсуждении. Если обвиняемый признает себя виновным, либо пожелает не оспаривать свою вину во вмененных преступлениях, либо в менее тяжких преступлениях, указанным соглашением может быть предусмотрено, что государственный обвинитель: а) не будет предъявлять новые

обвинения, либо откажется от других предъявленных обвинений; б) будет рекомендовать суду либо не препятствовать просьбе обвиняемого назначить ему определенное наказание или наказание в определенных пределах, равно как и о том, что определенное положение Федеральных правил вынесения приговоров либо определенное смягчающее или отягчающее наказание обстоятельство будут или не будут применены к нему».

На практике обычно соглашение подписывается сторонами в письменной форме, после чего передается на рассмотрение суда, который может его утвердить, отклонить либо отложить принятие по нему решения до изучения предварительного заключения комиссии по испытательным срокам.

Таким образом, суд не участвует в согласовании условий сделки, но утверждает их. В соответствии со статьей 11 «с» Федеральных правил уголовного судопроизводства США, если суд придет к выводу, что условия сделки противоречат публичным интересам ввиду чрезмерности предоставляемых обвиняемому преимуществ, либо необоснованно ущемляют интересы потерпевшего, он вправе принять и утвердить сделку и вынести приговор без полного соблюдения ее условий.

Подобный подход в уголовном процессе практически ознаменует приход в систему уголовно-процессуальных отношений так называемого «стимулирующего» элемента, который играет важную роль в урегулировании социального конфликта путем заключения соглашения сторон уголовного процесса. Еще ученые-процессуалисты XIX века и начала XX века высказывались о необходимости поощрения лиц, совершивших преступления, за последующие положительные действия.

Анализ норм раздела 11 Федеральных правил уголовного судопроизводства США позволяет классифицировать соглашения о признании вины на отдельные виды, в зависимости от содержания условий.

В зависимости от обязательств, принимаемых стороной защиты, следующие типы соглашений: 1) «обыкновенное» признание вины (так называемый *regularly guilty plea*). Данная форма соглашения с правосудием влечет вынесение обвинительного приговора и лишает обвиняемого права обжаловать его, равно как оспаривать установленные судом обстоятельства при рассмотрении дела, кроме процессуальных нарушений, допущенных судом и стороной обвинения; 2) специфическое, т.е. в форме «не признаю, но не оспариваю» (*nolo contendere plea* или *no contest plea*). Строго юридически означает непризнание обвиняемым своей вины, однако, ввиду обязательства обвиняемого не возражать против назначения ему наказания по предъявленному обвинению судом первой инстанции, приравнивается к признанию вины.

Порядок производства дел о соглашениях своеобразен. В частности, по делам о соглашениях в начале всегда излагается существо всего объема обвинений, в которых обвиняемый признает свою вину. В этом случае сторона обвинения может выбрать один из двух вариантов действий:

1) изменение объема обвинения. Данное действие может иметь несколько направлений развития: а) переквалификация обвинения на норму уголовного закона, предусматривающую ответственность за менее тяжкое преступление; б) об исключении обвинения по одному или нескольким эпизодам преступного

действия*»; в) определение точного размера и вида наказания либо об ограничении срока или размера наказания, определенной уголовно-правовым законом; г) определение вида наказания; д) определение срока или размера наказания; е) определение испытательного срока (срока probation);

2) способствование расследованию, в том числе путем: а) изобличения соучастников инкриминированного деяния; б) изобличения лиц, причастных к совершению других преступлений, не связанных с инкриминированным деянием; в) сообщения о не известных следствию источниках доказательств инкриминированного преступления (например, обязательство выдать похищенное, указать место захоронения трупа и т.д.).

Помимо этого, по процедурным правилам во время принятия решения об утверждении сделки суд проверяет наличие в деле достаточных доказательств для того, чтобы считать признание вины соответствующим действительности. Суд также должен удостовериться в том, заключено ли данное соглашение добровольно и после предварительных консультаций с защитником.

Вместе с тем, Федеральными правилами уголовного судопроизводства США предусматривается расторжение соглашения о признании вины. Оно возможно лишь в том случае, если соглашение сторон производилось путем принуждения обвиняемого к его заключению либо на существенное нарушение порядка ее заключения. В остальных случаях расторжение сделок с правосудием запрещено как для обвиняемого, так и для обвинителя.

Узбекистан с начала нового тысячелетия начал активно проводить реформы законодательства, которые имели важный аспект – внедрение «альтернативного правосудия». Так, в 2001 году была введена примирительная форма процесса, суть которой состояла в том, что в определенных процессуально-правовых условиях, в частности при примирении обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) и потерпевшего, независимо в какой стадии процесса оно заключено, уголовное дело немедленно должно передаваться в суд для утверждения состоявшегося примирения.

В конечном итоге в 2021 году в УПК был внесен совершенно новый для нашей правовой практики процессуальный институт – «соглашение о признании вины». Основанием для внедрения в УПК данного института послужило внесение в УК нормы, регулирующей назначение наказания по преступлениям, по которым заключено соглашение о признании вины. Согласно ст. 572 «срок или размер наказания, назначаемого по преступлениям, по которым заключено соглашение о признании вины, не может превышать половины максимального наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК».

Анализ норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих условия «соглашения о признании вины» показывает, что они не совсем согласуются с классическим пониманием содержания данного института. Мы полагаем, что имеющиеся в нормах «несоответствующие положения» связаны, прежде всего, с нестыковкой их с содержанием модельного свойства системы уголовного процесса, касающегося соглашения о признании вины. При этом

---

* В США, в отличие от других стран континентальной правовой модели, сторона обвинения располагает свободой материального уголовно-правового притязания к обвиняемому, следовательно, вправе произвольно изменить объем обвинения при заключении соглашения о признании вины.

нормы данного процессуального института в отечественном законодательстве «успешно» превращены в гибридную форму. Так, если по классике «англо-американской модели» соглашение о признании вины является не только процессуальным фактом, состоявшимся между обвинителем и обвиняемым (подозреваемым, подсудимым), но, если оно заключено в соответствии с требованием закона, то утверждение соглашения превращается для суда в его обязательства. Из этого тезиса следует вывод, что соглашение сторон о признании вины есть автономное право сторон процесса, прежде всего, обвинителя и обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) на альтернативное решение по устранению социально-правового конфликта, возникшего после совершения преступления. В данном процессуально-правовом отношении суду отводится роль «главного наблюдателя» за законностью заключения самого «соглашения».

Вместе с тем, соглашение сторон о признании вины – это, в первую очередь, процессуальный акт, включающий в себя систему взаимных обязательств субъектов данного отношения. Из гражданско-правовых определений нам известны основные признаки «соглашения», которые основываются на определенных действиях сторон правоотношений по установлению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей (ст.101 ГК). В соответствии со ст. 234 Гражданского кодекса обязательством в правоотношении признается – «одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие». Значит, соглашение о признании вины в уголовном процессе есть средство возникновения у сторон соглашения своеобразных обязанностей, в частности, у обвиняемого – признание вины, а в иных условиях – устранение ущерба, нанесенного его же преступными действиями и др.

Между тем, соглашение о признании вины обвиняющей стороной также возлагает обязанность по изменению содержания обвинения, в частности, с тяжкого преступления менее тяжкое. Таким образом, для заключения соглашения о признании вины может иметь место только лишь в случае, если обвинитель является правообладателем по выполнению своих обязанностей по соглашению. Поэтому законодателю при выборе метода регулирования правоотношений, связанных с заключением соглашения о признании вины, всегда необходимо учитывать автономность прав сторон на эти действия.

Другим важным системообразующим элементом метода регулирования правоотношений по соглашению о признании вины является «процессуальный интерес». Именно интерес сторон соглашения служит основой для его заключения. Каждая сторона при заключении соглашения преследует определенный интерес. Однако интересы разнятся по объективным и субъективным признакам на такие виды, как: публичный (обвинитель) и частный (обвиняемый, подозреваемый, подсудимый). Так, интересы обвиняемого от заключения соглашения всегда связаны с его личными мотивами, поскольку, являясь центральным субъектом уголовно-процессуального правоотношения, обвиняемый обычно преследует те варианты решения вопроса, которые отвечают, прежде всего, его личным интересам. Например, быть оправданным, или смягчение ему наказания и т.д. Таким образом, личный интерес и является первоисточником становления обвиняемого участником соглашения о признании вины.

В этом понимании интересы обвинителя своеобразны. Так, в уголовном процессе обвинительная функция выполняет важную роль, которая связана с предъявлением процессуально-правовой претензии в отношении лица, совершившего противоправное деяние. В этих целях обвинитель должен: а) собрать и предъявить данному лицу доказательства, подтверждающие его вину в совершенном преступлении; б) сформулировать «обвинительный иск», т.е. определять рамки того же обвинения; в) в последующем обосновать в суде свою точку зрения по обвинению, т.е. поддержать обвинение и нести бремя доказывания.

Исходя из этих рамок понимания обвинительной функции, в большинстве форм уголовного процесса, данная функция разделяется на два уровня. Первый имеет публичный характер и потому всегда преследует общественный интерес. Данная деятельность осуществляется посредством процессуальных средств и способов, форма и содержание которых направлена непосредственно на обеспечение общественной безопасности. Вот почему публичный обвинитель, как носитель публичной власти в борьбе с преступностью, преследует только лишь общественный интерес, личных интересов у такой обвинительной деятельности быть не должно.

Второй уровень обвинительной функции связан с ведением этой деятельности в частном порядке. Отличительно от публичной функции частноправовая обвинительная деятельность построена на личном процессуальном интересе. Поэтому правоотношение между частным обвинителем и обвиняемым строится в основном на свободе воли этих субъектов.

Анализ процессуального интереса обвинителя показывает, что именно процессуальный интерес сторон, прежде всего, интерес обвинителя, направленного на обеспечение общественной безопасности, должен стать приоритетным требованием регулирования правоотношений, связанного с соглашением о признании вины. Поскольку в уголовном судопроизводстве именно функция обвинения порождает другие процессуальные функции. Более того, обвинительная функция непосредственно отражает общественный интерес, а общественный интерес всегда связан с его безопасностью. В свою очередь, понятие безопасности общества подразумевает два противоборствующих друг с другом тезиса. Первое – это скорейшее урегулирование социального конфликта путем наказания лица, совершившего преступление; второе – обеспечение системой защиты, как общественных интересов, так и интересов привлекаемого в орбиту уголовного процесса обвиняемого.

Между тем, для подтверждения данного тезиса можно представить следующие аргументы. Так, соглашение о признании вины, основанное на процессуальном интересе сторон будет способствовать, во-первых, устранению социально-негативного конфликта; во-вторых, ресоциализации обвиняемого и возвращению его в нормальное общественное правоотношение; в-третьих, повышению эффективности деятельности борьбы с преступностью, посредством заключения соглашения о признании вины с тем намерением, чтобы обвиняемый, выступающий стороной соглашения, оказывал активную помощь органам следствия в раскрытии и расследовании более тяжкого преступления. Кстати, последний аргумент является важнейшим элементом для классической англо-американской процессуальной формы (в виде содействия следствию), связанной с соглашением о признании вины.

В случае, если вышеназванные особенности процессуального порядка, касающегося соглашения о признании вины, не будут учтены в методах регулирования данного процессуального института, то фактически «соглашение сторон» ничем не будет отличаться от другого уголовно-правового института – освобождение от наказания в связи с деятельным раскаянием виновного в содеянном (ст.71 УК Республики Узбекистан).

Именно признаки элементов статьи 71 Уголовного кодекса, такие, как: а) «лицо явилось с повинной», б) «чистосердечно раскаялось», в) «оказало содействие в предотвращении, раскрытии преступления или в выявлении и изобличении организаторов либо других соучастников», при условии, если оно непосредственно не принимало участие в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, фактически являются процессуально-правовыми элементами системы соглашения о признании вины.

В настоящее время в отечественном законодательстве возникла казусная ситуация, связанная с таким элементом, как «признание вины». Так, с одной стороны, процессуальное действие обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) о признании вины, которое впоследствии может стать предметом соглашения о признании вины, эти же действия, с другой стороны, могут стать основанием для освобождения от наказания по ст. 71 УК Республики Узбекистан. Однако, ради справедливости нужно отметить, что ст.71 устанавливает несколько моментов для применения правил данной нормы. В частности, эта норма применима в отношении лиц: а) впервые совершивших преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление; б) явившихся с повинной; в) активно способствующих раскрытию преступления; г) загладивших причиненный вред, а также д) специально указанных в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса. Присутствие в совокупности данных элементов в действиях лица (кроме пункта «д»), совершившего преступление, согласно со ст.71 УК может освободить лицо от наказания.

Вместе с тем, соглашение о признании вины может также состояться по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности и менее тяжким, но также тяжким преступлениям. Важными условиями для заключения соглашения о признании вины признаются: а) обвиняемый (подозреваемый) не оспаривал предъявленное органами дознания или следствия обвинение (подозрение), имеющиеся по делу доказательства, а также характер и размер причиненного вреда; б) загладил его (ст. 5861 УПК РУз).

Более того, в соответствии со ст. 5862 УПК при ходатайстве о заключении соглашения о признании вины обвиняемый (подозреваемый) обязан указать в нем – признание обвинения (подозрения), предъявленного в ходе дознания и предварительного следствия, не отрицание доказательств, оказание содействия в расследовании преступления, действия, которые обязан совершить для обнаружения имущества, полученного в результате преступления, заглаживание причиненного преступлением вреда, а также представление иной информации.

Помимо этого, в ходатайстве о заключении соглашения о признании вины могут быть указаны определенные действия, совершаемые подозреваемым, обвиняемым, и содействующие раскрытию преступления (ч.4 ст.5862 УПК).

Возникает вопрос, какой алгоритм действий у органов следствия или дознания, в том числе суда, имеется при аналогичных условиях? При одинаковых условиях они должны применить правила о: «назначении наказания по преступлениям, по которым заключено соглашение о признании вины» (ст. 572 УК), т.е. принять формальный подход (присутствие письменного соглашения) или принять «освобождение от наказания в связи с деятельным раскаянием виновного в содеянном» (ст.71 УК), т.е. фактический подход. Принятие и того, и другого решения по нормам Уголовного кодекса будет признано законным.

Между тем, такое двойственное решение по данному вопросу абсолютно недопустимо, не только по логике действий, но и с точки зрения юридической техники. Данный вопрос должен быть решен немедленно.

Более того, по нашему мнению, сегодня в целях построения эффективного правосудия необходимо действовать с учетом четкого и слаженного с точки зрения правовой логики альтернативного судопроизводства. На наш взгляд, в этом направлении необходимо решить следующие задачи:

1) порядок ведения дела по соглашению о признании вины должен быть допустим только лишь по публичным делам, поскольку по частно-публичным делам соглашение сторон может состояться в форме примирения*;

2) при реформировании норм, регулирующих порядок заключения соглашения о признании вины, необходимо признать обязанность государственного обвинителя по соглашению в качестве важного системообразующего элемента;

3) в этой связи, при определении меры и вида наказания обвиняемому (подсудимому) по делам, производимым в порядке заключения соглашения о признании вины, необходимо учитывать по данному вопросу требования государственного обвинителя о мерах наказания, поскольку именно мера наказания в классическом понимании данной формы судопроизводства является центральным звеном для стимулирования обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) к заключению соглашения*;

4) между тем, в качестве элемента обязанности обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) по соглашению о признании вины должно быть признано вместе с «содействием следствию в раскрытии преступления» также и «оказание обвиняемым (подозреваемым, подсудимым) помощи в разоблачении преступной деятельности других участников преступной группы. Хотя «разоблачение» в понятийном плане немного отличается от «раскрытия»* (которое по своей сущности является элементом обязанности обвиняющей стороны), но здесь надо учитывать тот факт, что «разоблачение» касательно действий обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) в соглашении о признании вины подразумевает выступление его в суде в качестве свидетеля, обычно обвинение строится на показаниях обвиняемого, подсудимого (во многом по сложным делам), что свойственно именно классическому (состязательному) пониманию формы соглашения о признании вины;

* В новой редакции проекта Уголовно-процессуального кодекса в структуре производств следует предусмотреть ведение дела по частному обвинению.

* При этом, не нарушая правила ст.57² Уголовного кодекса о сроке или размере наказания по преступлениям, по которым заключено соглашение о признании вины.

* Поскольку для раскрытия достаточно сообщить о готовящемся или совершенном преступлении.

5) глубоко продумать вопрос об уголовно-правовом цензе, поскольку действующего требования об ограничении на заключение соглашения о признании вины явно недостаточно. Сегодня настало время найти ответ на вопрос, необходимо ли ограничение применения порядка, предусматривающего правоотношения о соглашении, вытекающего из признания обвиняемым своей вины по субъективным признакам. Такое ограничение возможно, например в таких ситуациях, как совершение преступления лицом, признанным судом особо опасным рецидивистом, в отношении несовершеннолетних (поскольку по некоторым преступлениям несовершеннолетние не являются правоспособными по устранению материального ущерба несмотря на то, что по отдельным нормам ГК Республики Узбекистан родители несовершеннолетнего правонарушителя могут нести обязанности по возмещению ущерба) и т.д.;

б) привести в соответствие нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательств, связанные с деятельным раскаянием (ст.71 УК Республики Узбекистан).

Кроме того, есть также процессуально-правовая потребность по разработке и принятию специального закона о медиации в рамках уголовного судопроизводства по аналогии со странами, в которых действует подобный закон, в частности Закон Российской Федерации «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)», закон Республики Казахстан «О медиации», закон Кыргызской Республики «О медиации» и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: Автореф. диссер... канд. юрид. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2012.

2. Белозерова И.И. Альтернативы уголовному преследованию в уголовном процессе Франции // Вестник Московского государственного института международных отношений МИД России, №10, – 2016.

3. Василенко А.С. Медиация в уголовном процессе США. Вестник Пермского университета. Юридические науки Выпуск 2 (16) 2012 <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/vypusk-2162012/19-2010-12-01-13-31-58/-2-16-2012/462-vasilenko-as-mediaczia-v-ugolovnom-proczenesse-ssha>.

4. Жариков Е.В. Дифференциация уголовного процесса как средство обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: Автореф. дисс...канд.юрид.наук. Барнаул, Алтайский госуниверситет, 2004

5. Иванов А.А. Правовое регулирование института сделок о признании вины в США: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, – № 2 (1),

6. Исакова Т.В. К вопросу об упрощенных формах судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и права». 2013. – № 3.

7. Кузьмина О.В. Восстановительное правосудие как альтернатива уголовному преследованию // Правовые системы Республики Таджикистан и стран СНГ: состояние и проблемы. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной заслуженному юристу Республики Таджикистан, выдающемуся ученому, доктору юридических наук, профессору Ш. Менглиеву (Душанбе, 23 октября 2015 г.). – Душанбе: РТСУ, 2015.

8. Курс уголовного процесса /Под редак. д.ю.н, проф. Л.В. Головки. – 2-е изд. испр. – М.: Статут. 2017.
9. Медиация. Практическое руководство по применению Гаагской конвенции от 25 октября 1980 года «О гражданско-правовых аспектах Международного похищения детей». Научно-методический центр медиации и права. Перевод. 2013. – С. 7–9 и 28 (<https://assets.hcch.net/docs/e2fb7d3b-65a6-487c-8be2-a47085862827.pdf>).
10. Медиация в уголовном судопроизводстве: учебное пособие /Л. А. Шестакова. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2021.
11. Павлова З. Возможно ли применение медиации в уголовном процессе? // Уголовно-исполнительное право. №2. – 2020.
12. Савченко В.Н., Уренева О.В. Медиация в уголовном процессе: Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №25. Право. Выпуск 45.
13. Спасович В. Учебник уголовного права. Т.1. – СПб., 1863.
14. Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 года, №УП-60. <https://lex.uz/ru/docs/5841077>.
15. Хайриев Н.И. Интенсификация уголовного судопроизводства: Диссер. докт. юрид. наук. Т., Институт Национальной гвардии Республики Узбекистан. 2019.
16. Чигрин Д.А. Государственное обвинение в Российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование). Автореф. дисс...канд.юрид.наук. Уфа, Самарский научно-исследовательский унив-т., 2018.
17. Шагаева Р.М. Международные стандарты упрощенного производства по уголовным делам: Правовое государство: теория и практика. №1 (43). 2016.
18. Reponse ministerielle nA 42-282 // Journal officiel de la Republique Francaise. 1991. 7 oct.
19. Ludwiczak F. Les procedures alternatives aux poursuites: une autre justice penale. Paris, 2015.